

Большой фанат истфаков и дипломатии

ОТ РЕДАКЦИИ: В этом выпуске «Без галстука» мы поговорили с **Ольгой Николаевной Скорородовой**, выпускницей Летней Школы ПИР-Центра 2013 г. и членом Сообщества «Под знаком ПИР». Она проходила стажировку в ПИР-Центре, отметилась рядом научных публикаций на русском и английском языках, а в конце 2020 года выпустила собственную монографию «Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны». Наша гостья рассказала о том, чем занимаются джиджаристики и почему нужно идти на истфак, о важности публичной дипломатии и работе ОБСЕ, как попасть из истории церкви в энергетическую промышленность и как писать монографию после 60-часовой рабочей недели, а также о знакомстве с ПИРОм и интервью с Евгением Максимовичем **Примаковым**.

Идти на истфак

По образованию и, пожалуй, по складу характера я историк. Для меня история — это и большая страсть, и особенный способ выстраивать мыслительный процесс и анализ. Но долгое время я занимаюсь взаимодействием с органами власти (GR), то есть корпоративной дипломатией.

Я с детства интересовалась международной политикой. Уже достаточно долго, где-то с 1970-х годов, теория международных отношений говорит нам о том, что в политике появились новые *акторы*, политические институты, международные корпорации, что и повлекло возникновение профессии специалиста по связям с органами государственной власти, в которой реализуюсь и я. В этой области, которую я для себя называю корпоративной

дипломатией, можно встретить много выходцев из дипломатических кругов. Это логичное развитие карьеры человека, изучавшего и практиковавшего международные отношения на межгосударственном уровне, ведь задача выстраивать диалог с внешними и внутренними заинтересованными сторонами остается одной и той же - будь то традиционная, межгосударственная дипломатия или корпоративная. Эта задача требует в любых обстоятельствах оставаться в диалоге со всеми участниками дискуссии и находить точки соприкосновения.

Хорошее гуманитарное образование, в том числе, историческое, можно хорошо приложить в бизнес-сфере, поэтому я агитирую идти на истфаки, где можно не только и не столько получить комплекс навыков-«скиллов», сколько развить особый склад ума.

Ключевые качества корпоративного дипломата

В первую очередь — это способность мыслить шире заданных рамок конкретной задачи. Нужно иметь широкий взгляд на палитру красок, чтобы внимательно отслеживать мысли и идеи, которые могут высказываться в абсолютно разных сферах, потом пропадать из вида, но которым можно эффективно находить применение в том, чем ты занимаешься.

Вторым качеством я бы назвала настроенность на диалог. Мы живем в эпоху усиления роли государства по всему миру, и пандемия коронавируса только усилила эту тенденцию. Мир меняется стремительно, и правительства стремятся выработать правила в отношении новых явлений в сфере экономики, социальной жизни. И в этом процессе всем сторонам - государству, бизнесу, неправительственным организациям и гражданскому обществу - необходимо уметь находить точки соприкосновения для выработки оптимальных решений, которые пошли бы на благо всему обществу, экономике и, в конечном итоге, каждому из нас.

Еще одним ключевым качеством следует назвать гибкость. Это и про способность оставаться открытым, и про умение избегать ситуации, когда человек загоняет себя в какие-то «коридоры сознания». Здесь мне опять же помогает историческое образование, «историзм мысли», позволяющий видеть множественность вариантов общественного развития и решения той или иной задачи. Это тот инструмент, который я применяю, когда понимаю, что начинаю замыкаться на какой-то одной идее, попадаю в мыслительный тупик. Еще ремесло историка, как мне кажется, помогает четко видеть и грамотно анализировать международный опыт решения тех или иных проблем, а также учит отстаивать свою позицию. Гибкость и способность аргументировано удерживать свою позицию — это две стороны одной медали, два качества, необходимые джиггеру, дипломату корпоративному и, полагаю, дипломату в классическом понимании этого слова.

Опыт многосторонней дипломатии ОБСЕ

Сегодня сфера GR — это в значительной степени про многосторонний формат, про мультистейкхолдеризм. Моя стажировка в ОБСЕ — это мой первый большой опыт многосторонней дипломатии, хотя он был, в первую очередь, про государства, ведь ОБСЕ — это международная организация. Но замечу, что ОБСЕ сегодня значительно больше работает и с неправительственным сектором, в особенности по «второй корзине» - экономике, энергетике, экологии.

О публичных историках

Я порой критикую себя и своих коллег российских ученых-историков. В России огромный спрос на историю - политическую, экономическую, культурную, но в то же время у нас только начинает развиваться институт публичных историков, весьма укорененный в общественно-политической жизни в других странах с богатой научной традицией изучения истории. Публичные историки являются профессиональными историками, они работают с документами, занимаются

наукой, но при этом продукт их труда, написанный понятным для широкого круга читателей языком, издается огромными тиражами и в различных, в том числе, креативных форматах. В России ситуация иная, хотя она начинает меняться в лучшую сторону, и в прошлом у нас были публичные ученые, например, Б.А. Рыбаков, советский археолог и популяризатор исторического знания. И все же исторические труды, в том числе, в силу стилистики их написания, сегодня остаются уделом очень узкого профессионального круга. В итоге на фоне такого высокого интереса к прошлому, который мы имеем счастье наблюдать в нашей стране, эту нишу могут занимать авторы, далекие от научных принципов исследований.

Отчасти мне хотелось попытаться своей недавно вышедшей книгой сделать первый, очень робкий шаг и ответить на собственную же претензию к российским историкам. Не думаю, что этот шаг можно назвать абсолютным успехом - есть определенная специфика издания книг, базирующихся на научных трудах, в моем случае, кандидатской диссертации. Но я надеюсь, мне еще представится возможность попробовать себя на этом поприще.

Повторюсь, я большой фанат истфаков и дипломатии – в России на нас, историков, часто смотрят как на недотеп-ботаников, которые не поступили, например, на экономический факультет (поскольку не знали математики) или на международные отношения. Кстати, в тех странах, где есть длительная традиция построения рыночной экономики, очень часто на самых высоких корпоративных и государственных должностях оказываются историки.

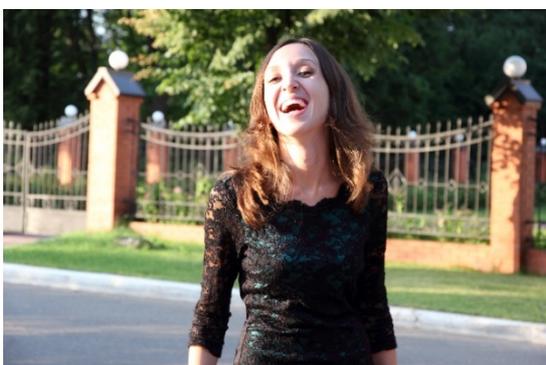
Из истории церкви в энергетику

Это очень смешная история, но энергетика для меня началась с угрозы несданного экзамена по истории церкви. На истфаке МГУ, где я имела честь обучаться, когда я была на первом курсе, была введена новая дисциплина - «История церкви», в рамках которой мы изучали церковь как социальный институт. На экзамене мне попался вопрос про Иерусалимский патриархат, и экзаменатор спросил меня о процедуре утверждения патриарха в наши дни. Открою

тайну: так или иначе в процесс вовлечены как палестинская, так и израильская стороны. В то время я, недавняя школьница, достаточно плохо разбиралась в хитросплетениях ближневосточной политики – и очень плавала, отвечая на вопрос. В общем, именно так я поняла, что мне было бы интересно заняться проблематикой международных отношений на Ближнем Востоке. Через пару лет, когда пришло время выбирать тему первой “взрослой” курсовой работы, мой научный руководитель, профессор А.С. Манькин, с которым мы продолжаем сотрудничество, предложил добавить к ближневосточному вагону противоречий еще одну «маленькую тележку» и посмотреть на энергетический фактор как на часть арабо-израильского противостояния 1973 года. Что касается экзамена по истории церкви, то я его все-таки сдала, но именно с этого момента завязался мой интерес к энергетическим перипетиям Холодной войны.

Написание собственной монографии

Для меня монография, в первую очередь, – это доведение до конца той работы, что велась в рамках кандидатской диссертации. Подготовка монографии подтвердила для меня две простые вещи.

Во-первых, чем больше ты делаешь, тем больше ты успеваешь сделать. Если человек говорит себе, что он будет заниматься только работой и ничем другим, то в долгосрочном плане это снизит

продуктивность его деятельности, так как он лишает себя другого опыта. Поэтому как бы много ни было работы, очень важно заниматься чем-то еще, что вас вдохновляет.

Второе, что я подтвердила на собственном опыте – это теория 2-х часов. Она гласит, что большое дело можно сделать по частям, выделив на него всего два-три часа в неделю, но это должны быть два часа крайне сфокусированной работы. Именно так мне приходилось писать книгу – после напряженной рабочей недели, часто с командировками и продолжительностью по 50–60 часов, было крайне сложно сказать своему организму, что все выходные нужно снова над чем-то работать. Мне удалось пролоббировать саму себя на два часа концентрированной работы, после которых я могла наслаждаться и выходными, и результатами своей академической работы.

История знакомства с ПИР-Центром

В ПИР-Центр я попала, уже занимаясь проблематикой энергетической безопасности. ПИР-Центр - один из немногих think tanks в России, занимающийся вопросами международной безопасности, поэтому наши пути сошлись. Важно, что ПИР-Центр, сохраняя свою сфокусированность на тематике нераспространения и контроля над вооружениями, всегда стремился предоставлять качественный анализ по более

широкому кругу вопросов безопасности. Кроме того, для меня как для историка холодной войны вопросы нераспространения весьма близки, ведь вокруг них структурировался ключевой конфликт того периода истории человечества, который меня столь интересует.

Летняя школа ПИР-Центра для меня была возможностью сохранить и преумножить тот «драйв», который я получила от активной научной и общественной жизни в Йельском университете. На тот момент я достаточно хорошо представляла, как функционирует мир науки, как в России, так и за рубежом. В ходе Летней школы и стажировки в ПИР-Центре я смогла посмотреть изнутри, как устроен экспертный мир, к которому я питаю огромное уважение. Кроме того, именно в ПИР-Центре я впервые соприкоснулась с вопросами кибербезопасности, влияния информационных технологий на различные сферы жизни.

Уроки интервью с Е.М. Примаковым

Вокруг арабо-израильской войны 1973 года и сопровождавшего ее арабского эмбарго на поставки нефти в США и некоторые другие западные стран ведется ожесточенная дискуссия о роли СССР в этих событиях. В какой-то момент, еще будучи студенткой, я устала отвечать на вопросы моего научного руководителя по этому вопросу, ведь доступные документы какой-либо идейной или иной роли Москвы в этих драматических

событиях не подтверждают. Поэтому я подумала, что стоит задать этот вопрос главному «игроку на рынке арабизма» 70-х годов – Евгению Максимовичу Примакову. Я написала в его приемную, мне ответили, попросили прислать вопросы и пригласили буквально через пару дней на интервью. Это было настолько просто и настолько гениально – просто берешь, звонишь, говоришь – и не следует ответа «нет».

Для меня интервью с Е.М. Примаковым – это пример того, что порой нужно просто пытаться делать то, что необходимо, не думая о том, получится или нет. Мы часто колеблемся, думая, что нам могут отказать, но не нужно бояться ответа «нет», поскольку, по моей практике, он следует сильно реже, чем мы того ожидаем.

Интервью: Савва **Никулин**

Редактура: Егор **Чобанян**